

КАКОЕ КИНО? ФУТБО-О-ОИ!

Евгений Евтушенко: "Моя одежда — это моя живопись"

Тьма опустилась на славный город Сочи. Свинцовая грозная туча сползла с гор и мягкой шапкой накрыла побережье. За окном — сплошная пелена дождя. Дольф Лундгрен, прибывший на открытие IX Международного кинофестиваля, так устал, что перенес пресс-конференцию и все интервью на следующий день.

В пресс-центре "Кинотавра" творится что-то невообразимое. Пресс-конференции под угрозой срыва — толпа болельщиков оккупировала большой экран и бурно выплескивает свои эмоции, переживая за нашу сборную по футболу. Киножизнь замерла. Наши играют с Тунисом! Наши ведут 2:0! Из-за каждой двери в гостинице доносятся голоса футбольного комментатора и нервные вскрики зрителей. За той дверью, в которую сейчас постучу я, тоже сидят двое одержимых и не отрывают глаз от телевизора. Это члены жюри "Кинотавра" **Евгений Евтушенко** и его друг, на днях пополнивший число почетных гостей фестиваля, писатель **Михаил Задорнов**. Все! Финальный свисток, наши выиграли. Можно стучать.

— Евгений Александрович, поздравляю вас с победой нашей команды. Но хотелось бы услышать ваши комментарии по поводу "Кинотавра".

— Позвольте, я сначала выскажу свои комментарии все-таки по поводу игры. Конечно, я очень рад, что наша команда выиграла, тут даже вопросов нет. Но! Играли они плохо! Не было рисунка игры, не было отчаянности, не было настоящего, большого азарта. И что самое опасное — когда они забили два гола, они вообще перестали играть. А этого нельзя делать! Нашим очень повезло, потому что у тунищев было несколько возможностей сравнять счет, а может, и забить три гола. Они ими

просто не воспользовались. Наши стремились удержать результат, и ничего больше. Они начали перепасовывать мяч назад и поперек поля, как бюрократы, зевая, перепасовывают со стола на стол какую-нибудь бумажку. Я просто поражен! Я еще из Америки написал письмо Романцеву, послал ему свой роман "Не умирай прежде смерти", где я описываю игроков поколения Боброва и Хомича, и просил его напомнить футболистам, какие это были замечательные игроки. Но я не почувствовал в них наслаждения от игры.

— Я все же хочу переключить разговор на "Кинотавр". Как вы себя чувствуете в новой для себя компании?

— Здесь очень разнообразное жюри, совершенно непохожие друг на друга люди, но все очень хорошие. **Глеб Панфилов** — один из лучших наших режиссеров. Он первый человек, который в российском кино открыл новый взгляд на Гражданскую войну, показал, что нельзя делить людей на "белых" и "красных". Я имею в виду его картину "В огне брода нет". У него есть свой стиль в целом, он — реалист. Но он очень ценит метафору в кино. Когда мы обсуждали фильмы (я не имею права рассказывать, о чем именно мы говорили), он защищал метафоричность. По сути, он защищал как раз то, что ему самому по стилю не свойственно. Это всегда показатель большого художника.

И вообще у нас в жюри очень теплые, дружеские взаимоотношения. Тут и **Леонид Ярмольник** со своим совершенно особым взглядом, и композитор **Вадим Биберган**, и режиссер **Али Хамраев** — человек, для которого идеалом служит японское кино, грубо чувственное, откровенное, и я — сентименталист, мои любимые фильмы — "Похитители велосипедов" и "Летят журавли".

КУЛ

— А каков женский взгляд? Какой концепции, например, придерживается Вера Сотникова?

— Она очень умна и смотрит кино даже не как актриса, то есть не только с профессиональной точки зрения, а с точки зрения матери. И это здорово! В первые дни фестиваля было много фильмов о молодежи, и Вера оценивала их через призму собственного материнства, как женщина, которая сталкивается с похожими проблемами.

— Вы человек новый для тех, кто постоянно приезжает в Сочи. Вы чувствуете к себе повышенное внимание?

— Я чувствую самое хорошее отношение. И что особенно приятно — ко мне не относятся как к чужаку в кино. Разговаривают со мной как с кинематографистом, а не только как с поэтом. Кстати, здесь я получил интересное предложение. Художественный руководитель одной из студий "Мосфильма" **Валентин Черных** предложил мне поставить картину. У меня есть один готовый сценарий, плюс еще один проект, кстати, связанный с футболом. Я хочу вытянуть из своего романа "Не умирай прежде смерти" линию футболиста того поколения. Сначала он в молодости, потом — уже в возрасте. Роль этого человека в возрасте я бы и хотел сыграть. Это связано с событиями августа 91-го года, которым я стал свидетелем. Там у баррикад я увидел многих бывших футболистов.

— Вам известно, что все вокруг обсуждают, как экстравагантно вы одеваетесь?

— Много людей подходило ко мне и восхищались, говорили комплименты. Моя манера одеваться объясняется очень просто: детство проходило на станции Зима, когда я пел на перронах песни, выбирался из осажденной немцами Москвы. Ну какие цвета я видел? Хаки, серый, шинельный, черный. Большие никаких. Так что во мне говорит какая-то запоздалая компенсация за потерянную в детстве радугу красок. Я обожаю живопись, но сам рисовать не умею. Так что я представляю собой маленькую выставку собственных вкусов. Моя одежда — это моя живопись. Я очень люблю яркие цвета.

— Вам удастся хоть немного отдохнуть здесь в промежутках между работой?

— Я вам сейчас кое-что покажу.

Евгений Александрович уходит в другую комнату и вытаскивает из-под кровати огромный, очевидно, тяжелый чемодан. И я с изумлением вижу, что он доверху забит книгами, томов двадцать, не меньше.

— Видите? Какой тут отдых! — восклицает поэт. — Я работаю с этими книгами, заканчиваю составление трехтомной антологии русской поэзии с XI по XXI век. Она будет называться "Вначале было слово". Туда войдет мой перевод "Слова о полку Игореве". А вот в этом ноутбуке — половина будущего нового романа.

Катя ПРЯНИК, Сочи.